

УДК 811.161.1'04 + 811.161.1'373.21 +
+ 811.161.1'373.6 + 528.9

А. В. Барандеев

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ ТОПОНИМОВ *МОСКОВИЯ* И *ТАРТАРИЯ*

Ключевые слова: русский язык, топоним, этнотопоним, *Московия*, *Тартария*, этимология, картография.

В статье рассмотрены причины появления и особенности функционирования топонимов *Московия* и *Тартария* в западноевропейских и русских средневековых источниках. Дан критический обзор существующих этимологий этих топонимов, выявлены ошибки и неточности в их историко-географической, этнографической и переводческой интерпретации, не учитывающей, в частности, характера трансформации *Тартария* > *Татария*. Определен статус топонимов-историзмов в ономастической системе современного русского языка. Показано важное источниковедческое значение старинных карт для топонимических исследований.

Обязательным элементом большинства современных карт и атласов — прежде всего общегеографических — являются топонимы. Древние карты, отличающиеся схематизмом изображения объектов, также содержат топонимы, хотя и в незначительном количестве. Их убедительная интерпретация позволяет получить наглядное представление об историко-географической и политической характеристике объектов номинации в конкретную эпоху. Однако при этом следует учитывать ряд немаловажных обстоятельств, связанных с оценкой достоверности топонимов, обозначающих реальные или вымышленные географические объекты на древних территориях, имеющих в настоящее время иные пространственные и этнополитические характеристики.

© Барандеев А. В., 2011

Московия

Широко известный топоним *Москва* имел в древнерусском языке иную форму им. п. — *Москы*, так как относился к особому типу склонения существительных с основой на *-и, включавшему слова *цьркы* (церковь), *буки* (буква), *свекры* (свекровь), *любы* (любовь), *тыкы* (тыква) и др. В вин. п. топоним представлен в значении обстоятельства места формой *Московь*, зафиксированной, например, в Лаврентьевской летописи. В процессе развития русского языка и его системы склонения «первоначальная форма топонима *Москы* заменилась <...> формами *Московь* (*Москъвь*) и *Москва* (*Москъва*), из которых последняя сохранилась в русском языке до нашего времени, а форма *Московь* продолжает жить в языках народов России <...>» [Добродомов, 86–87; ср. также Цјinskiј].

Форма *Московь*, зафиксированная в памятниках русской письменности еще в начале XIV в., стала основой для образования другого топонима — *Московия*. Факты отечественной истории бесспорно свидетельствуют о том, что *Москови-ей* в XV–XVII вв. западноевропейские послы, купцы и путешественники называли в своих сочинениях и на картах Московское государство, географическое устройство которого они знали весьма приблизительно. В понимании позднесредневековых зарубежных географов, унаследовавших позднеантичные представления о Восточной Европе, она «ограничивалась с севера Ледовитым океаном (чисто умозрительная, хотя и правильная граница, обусловленная теоретическим постулатом об опоясывающем сушу океане), с востока — рекой Танаисом (Доном), затем Меотийскими болотами (Азовским морем) и Боспором Киммерийским (Керченским проливом). Южной ее границей служил Понт Евксинский (Черное море). На севере Восточной Европы локализовались так называемые Рифейские (или Рипейские) горы, которые тянулись в широтном направлении (возможно, искаженное представление об Урале). Предполагалось, например Аристотелем, что с этих гор берут свое начало и текут на юг великие реки Танаис (Дон), Борисфен (Днепр), Гипанис (Южный Буг) и некоторые другие (позже стала известна Волга — Ра)» [Подосинов, 29]. Страбон, живший в эпоху заката эллинизма и образования Римской империи, откровенно признавался в том, что «области же за Альбием (Эльбой. — А. Б.) близ океана нам совершенно неведомы» [Страбон, 269].

Интересующий нас топоним широко представлен в сочинениях средневековых западноевропейских авторов, которые нередко сопровождали свои путевые заметки географическими картами, имевшими различное происхождение. Часть из них была составлена по русским оригинальным источникам (чертежам), а часть карт Восточной Европы создана на основании других источников.

Одна из наиболее ранних картографических фиксаций топонима *Московия* — на карте Центральной и Восточной Европы, составленной польским картографом Б. Ваповским (1507) с утерянного оригинала карты немецкого гуманиста

кардинала Н. Кузанского (1491). На карте Б. Ваповского топоним *Moskovia* подписан к северу от Черного моря в бассейне нижнего течения Днепра. Выше этой подписи размещено название *Russia alba sive Moskovia* <белая Русь или Московия>, а еще выше этого названия — плохо читаемая подпись *Ducat' Moskovi(a)* <правитель Московии>. На карте Центральной Европы, составленной немецким врачом И. Мюнцером (1493), названия *Russia* и *Mos(c)ovia* помещены на фоне безымянных гор и рек. Венецианский картограф Б. Аньезе свою карту Московии (1525) озаглавил *Mosckoviae tabula*. Южная часть карты Московии французского картографа Г. Делиля (1706), составленной на основе русской оригинальной карты московских княжеств (1526), содержит подпись *Russie Moscovite* <Русь Московитская/Московская>. «Немецкий Страбон» С. Мюнстер составил несколько схематичных и неподробных карт Московии. На карте 1532 г. название *Moscovia* помещено в среднем течении Днепра, а на карте 1538 г. *Moscovia* обозначает город, расположенный южнее течения Волги. На карте из «Всеобщей космографии» С. Мюнстера (1544) топоним *Moscovia* как обозначение города привязан к реке Москве (*Mosca*).

В 1517 и 1526 гг. Московию посещал барон С. Герберштейн, впоследствии отразивший свои путевые впечатления в «Записках о Московитских делах» (1549) [Герберштейн]. В этом сочинении содержится, в частности, «Краткое описание России и столицы ее Московии и хорография (землеписание. — А. Б.) всего государства Московского». На карте С. Герберштейна 1546 г. топоним *Moscovia* действительно фигурирует как название столичного города. Посол английского короля Эдуарда VI мореплавателю капитану Р. Ченслеру путешествовавшему в Московию в 1553 и 1555 гг. В своем неоконченном труде «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском» (с подзаголовком «Новое плавание и открытие царства Московии <...>») он отмечает, что эта страна называется *Россией* или *Московией* [Россия XVI века, 431, 438].

На «Карте России, Московии и Тартарии» английского купца и дипломата А. Дженкинсона (1562) топоним *Russia* обозначает земли центральных московских княжеств, а подпись *Moscovia* расположена вертикально с севера на юг в середине этих земель по линии городов Ярославль—Углич—Кашин—Тверь—Можайск—Вязьма. Б. А. Рыбаков убежден в том, что эта карта восходит к старому русскому чертежу московских земель 1497 г. (разница в 65 лет!) [Рыбаков, 36, 108]. Аналогичное понимание содержания топонимов *Россия* — *Московия*, отражающих соотношение «большее — меньшее», представлено в сочинении английского купца и дипломата Д. Горсея «Путешествия...» (1572–1573), который жил в Московском государстве почти 20 лет, до 1591 г., а также в записках француза Ж. Маржерета (1606–1608).

В новейшем издании «Записок о Московии» немецкого авантюриста, лжеопричника Г. Штадена (1577–1578), побывавшего в Московском государстве в 1564–1574/75 гг., его название, предложенное переводчиком С. Н. Фердинанд

как *Московия*, фигурирует всего шесть раз. Из них только в одном случае, учитывая достаточный контекст, можно с полным основанием утверждать, что немецкая форма *Moscau* адекватно соответствует топониму *Московия*: «...auch allen stetten in Der Moscau» <а также во всех городах Московии> [Штаден, I, 88–89]. В остальных пяти случаях, отражающих недостаточный контекст, немецкие формы более соответствуют переводу в *Москве*, в *Москву*, а не в *Московии*, в *Московию* [Там же, 124–125, 250–251, 338–339, 410–411], что и отражено в варианте перевода, предложенном И. И. Полосиным [Там же, 523, 553, 555, 574]. Поэтому вряд ли справедливо утверждение А. Л. Хорошкевич о том, что «по образцу, принятому в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, Россию Штаден именует *Московией*» [Там же, 46]. Г. Штаден, справедливо квалифицируемый отечественными историками как полуграмотный мелкий авантюрист [Альшиц, 347–361], едва ли следовал каким-либо образцам в номинации Московского государства, поскольку в тексте его записок топоним *Москва* и название государства не имеют стабильной орфографии и широко варьируют, никак не отражая уже распространенную в то время у образованных западноевропейских авторов форму *Moscovia*. Из общих 127 употреблений исходной основы *Москва* форма *Moscau* употреблена 36 раз, *Moscau* — 19, *Moscauw* — 14, *Moscou* — 1, *Moscow* — 1; форма *Muscau* — 31 раз, *Muscau* — 10, *Musca* — 9, *Muscow* — 3, *Muscauw* — 2, *Muscuw* — 1. Аналогичное бессистемное варьирование наблюдается и в другом обозначении Московского государства — *Reuslandt*, *Reuslant*, *Ruslandt*, *Ruslande* и т. п. К сожалению, во вступлении и комментариях, сопровождающих издание текстов Г. Штадена, смешиваются понятия «географический термин» и «топоним»: в разряд терминов (!) безосновательно зачислены *Москва*, *Московия*, *Русланд* [см.: Штаден, I, 36, 38; II, 82, 346].

Топоним *Московия* как иноязычное название Московского государства встречаем в «Кратком известии о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года...». Автор этого сочинения, созданного в 1610–1611 гг., голландский купец и путешественник И. Масса неоднократно посещал Московию в 1601–1634 гг. На карте голландского картографа Г. Герритса, составленной в 1613 г. на основании чертежа царевича Ф. Годунова 1523 г. (разница в 90 лет!), подпись *Moscovia* расположена юго-западнее Москвы и обозначает ближайшие к царствующему граду земли.

Немецкий ученый-энциклопедист А. Олеарий неоднократно бывал в Московии в 30-х гг. XVII в. Свои путевые впечатления он изложил в «Описании путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1647). Это сочинение, ставшее вскоре знаменитым по причине широкого охвата событий русской истории, оказало заметное влияние на труды последующих авторов, писавших о Московии. В одной из глав «Описания» («О русском государстве, его провинциях, реках и городах») А. Олеарий в определенной степени обобщил все известные ему как иностранцу названия Московского государства. Немаловажно,

что в этом обобщении топоним *Московия* квалифицируется как наиболее традиционно распространенный: «Россия или, как некоторые говорят, “белая Русь” (и м е н у е м а я по главному и столичному городу Москве, лежащему в середине страны, о б ы к н о в е н н о М о с к о в и е ю) (выделено нами. — А. Б.) является одною из самых крайних частей Европы, граничит с Азией и имеет весьма большое протяжение...» [Россия XVII века, 333].

Во 2-й половине XVII в. в обозначении Московского государства и его столицы иностранными авторами продолжает наблюдаться широко разветвленная синонимия. Так, в «Записках о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг.» немецкого путешественника Г. М. Айрманна в качестве синонимов-дублетов фигурируют топонимы *Великокняжество Московия* или *Руссия*, город *Москва* или *Московия* [Левинсон, 265–307]. Впрочем, по свидетельству В. О. Ключевского, ко 2-й половине XVII в. среди прочих названий Московского государства в иноязычных текстах топоним *Московия* преобладал [Ключевский, 27]. Ситуацию синонимической вариативности в обозначении Московского государства отражают и русские космографии XVI–XVII вв., составленные на основании зарубежных источников, переработанных русскими книжниками-переводчиками с учетом оригинальных достижений русской практической географии. При этом весьма показателен тот факт, что, например, в тексте «Космографии 1670 г.» топоним *Московия* не употребляется, по-видимому, ввиду его иноязычного происхождения [Барандеев, 1993, 119–132].

Напротив, на русских и зарубежных картах *Московия* активно существовала до середины XVIII в., отражая преемственность картографической традиции. На «Новой и достоверной всея Европы карте» (1720–1721), созданной русским гравером А. Ф. Зубовым и голландцем П. Пикартом, *Московиа* дана как подпись на Европейской части Российской империи. Немецкий картограф Г. М. Зойтер на «Карте Российской империи» (1739–1740) разместил топоним *Moscovia* на территориях от Днепра до Уральских гор. Таким образом, на географических картах XV–XVIII вв. топоним *Московия* использовался и как название Московского государства, и как название его столицы с разной степенью точности в пространственном обозначении этих объектов.

В. Н. Татищев в «Истории Российской» отмечал, что Русское государство разные народы называли *Руссией* или *Московией*, и упоминал при этом сочинение плененного участника Полтавского сражения шведского подполковника Ф. И. Страленберга «Сибирская история». В. Н. Татищев был убежден в польском происхождении топонима *Московия*, именно в такой форме ставшего известным в Европе: «Власно так (подобно тому. — А. Б.), как у нас имя Руссия за 1 000 лет беспрерывно во всех историях и титулах государей употребляемо, но поляки в наше время татар, побрав русские пределы, насилем себе титул русских государей похитили, а русских великих князей московскими и государство Москва и Московиа прозвали, чему едва не вся Европа последовали...» [Татищев, 286, 312].

В этом далеко не бесспорном утверждении есть рациональный момент. Действительно, в общеевропейском распространении и закреплении топонима *Московия* не следует исключать влияния польского языка-посредника, поскольку в течение XVI–XVII вв. польская историко-географическая литература активно переводилась на русский язык, например «Космография» историографа и писателя М. Бельского (1551, русский перевод 1584). В то же время не прекращалась практика переводов собственно латиноязычных сочинений на польский и русский языки. Однако топоним *Московия* имеет не польское, а византийское происхождение. Русская форма *Московь* могла быть первоначально усвоена западноевропейскими авторами условно-фонетически (на слух), а в канцеляриях Византии путем добавления латинского элемента *-ia* (*-ия*), ставшего впоследствии интернациональным, получила окончательное письменное закрепление в виде *Moscovia*. В сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (948–952) топонимы данного типа представлены достаточно широко. Они употреблены как для обозначения территорий, входивших в состав Византийской империи во 2-й половине X в. (*Далмация, Сербия, Болгария* и др.), так и для обозначения территорий, граничивших с ней (*Росия, Алания, Хазария* и др.) [Константин Багрянородный, карты 1, 2].

Топоним *Московия*, утратив актуальность в языке отечественной географии Петровской эпохи, с этого времени переходит в разряд названий-историзмов, явно неуместных на карте империи Российской по причине своего преимущественного употребления иностранцами. Не случайно поэтому название *Московия* отсутствует в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В трудах других историков и географов топоним *Московия* нередко заключается в кавычки, что отражает стремление авторов подчеркнуть былую преимущественно иноязычную сферу его употребления [см.: Крачковский, 688, 690; Лебедев, Есаков, 58, 93; и др.].

Примечательно, что в современном русском языке топоним *Московия* избежал полного забвения: он использован, например, для номинации телекомпании, банка, молодежного лагеря и т. п. Впрочем, уместность такого использования древнего топонима для именованья современных реалий может быть спорной, поскольку исторически он возник в иноязычной среде именно как иноземное название московского государства и никогда не употреблялся как русский оригинальный топоним. Тем не менее в современных фактах подобной номинации, основанной на переосмыслении, следует усматривать своеобразное «освежение» ономастической лексики русского языка за счет использования топонима-историзма, обладающего в современном языковом сознании определенным полузагадочным колоритом. К сожалению, в некоторых работах научно-популярного характера, претендующих на сенсационность и новизну, происхождение топонима *Московия* оставлено без внимания [см.: Бычков].

Тартария

Одна из наиболее ранних картографических фиксаций топонима *Tartaria* — на карте мира венецианского монаха Фра Мауро (1459): подпись *Tartaria*, расположенная с юго-запада на северо-восток, обозначает земли в нижнем течении Днепра. На карте Центральной и Восточной Европы уже упоминавшегося Б. Вавповского (1507), которая восходит к утерянному оригиналу карты Н. Кузанского (1491), подпись *Tartariae Pars* обозначает земли к северу от Понта Евксинского. На карте Центральной Европы И. Мюнцера (1493) из «Нюрнбергской хроники» топоним *Tartaria* расположен рядом с подписью *Mos(c)ovia* к северу от крупной подписи *Orient* к югу от безымянных гор. Немецкий аббат Г. Рейш опубликовал в одном из изданий своей схоластической энциклопедии «Философская жемчужина» (1504) карту мира Клавдия Птолемея, на которой название *Tartaria Magna* <Тартария Большая> помещено северо-восточнее Гирканского (Каспийского) моря. Севернее этого названия дана подпись *Alani scita(?) nunc tartari* <аланы, известные в настоящее время как тартары>. На другой, очень схематичной карте мира Г. Рейша (1513), представляющей собой переработку карты немецкого картографа М. Вальдземюллера, подпись *Tartaria Cumanis* <Тартария Половецкая> расположена к северо-западу от Каспийского моря ниже подписи *Russia alba* <Русь белая>.

Немецкий врач и астроном Фри Лоран на карте мира (1522) расположил топоним *Tartaria* к востоку от Уральских гор, рядом с подписью *Sarmatia asiatica*, северо-восточнее Каспийского моря. На карте Московии венецианского картографа Б. Аньезе (1525) показано несколько *Tartarij*: одна в устьевом междуречье Донца-Северского и Днепра, другая — северо-восточнее, в среднем течении Волги (*Tartaria Asiatica*), и, наконец, третья — в среднем течении Вятки. Весьма примечательно, что рядом с 1-й и 3-й *Tartarijami* подписаны этнонимы: *Precobite tartari* <прилегающие? тартары>, *Sc(p,r)abani? tartari* <исконно обособленно проживающие, коренные тартары> и *Nogai tartari* <ногайские тартары>.

На южной части карты Московии французского картографа Г. Делиля (1706), восходящей к карте московских княжеств 1526 г., топоним *Tartaria Moscovite* <Тартария Московитская/Московская>, подписанный с северо-востока на юго-восток, обозначает территории от земель мордвы до царства Астраханского. Карта С. Мюнстера (1532) содержит топоним *Tartaria Magna*, обозначающий земли по 50-й параллели (совр. побережья Охотского и Берингова морей). На его же карте из «Космографии 1544 г.» подпись *Tartaria* расположена в среднем течении Волги в очерченном квадрате северо-восточнее подписи *Moscovia* на р. Москве. На карте Московии немецкого художника А. Вида и боярина И. В. Ляцкого (1542–1555) крупная подпись *Tartaria* обозначает земли в нижнем течении рек, впадающих в Каспийское, Азовское и Черное моря. Карта Московии С. Герберштейна (1546) соотносит топоним *Tartaria* с землями черкасов и ногаев (ногайских тартариев —

Nagayski tartare) между Меотийским болотом и нижним течением Волги. Примечательно, что С. Герберштейн в соответствующих картографических подписях указал на этноязыковую принадлежность исторически сменявших друг друга названий Волги: *Rha Graecae*, *Wolga Ruthenice*, *Edel Tartarice* <Итиль Тартарская>.

На «Карте России, Московии и Тартарии» А. Дженкинсона (1562), восходящей к русскому чертежу 1497 г., крупная подпись *Tartari* обозначает этнические территории к северу от Каспийского моря в нижнем течении впадающих в него рек. В одной из пояснительных надписей отмечено, что «Самаркандия была некогда столицей всей Тартарии». Фламандский картограф А. Ортелиус на карте «Tartaria» (1570) из атласа «Theatrum Orbis Terrarum» («Зрелище земного шара») интересующий нас топоним использовал как обозначение территорий, граничащих с Северным Ледовитым океаном к востоку от Обской губы в районе исторической области Мангазея (Молгомзея = *Molgom*). На карте полушарий «Orbis terrae compendiosa description» («Полное описание земного шара») фламандского картографа Г. Меркатора (1587) топоним *Tartaria* помещен к востоку от Уральских гор между 50-й и 70-й параллелями. В уже упоминавшихся «Записках о Московии» Г. Штадена один фрагмент, связанный с употреблением топонима *Tartaria*, переведен неверно: «...На земле московита, идущей не далее Мезени, затем на 1 000 миль пути по суше, <живут> нехристианские и дикие народы, от Оби также по реке можно доплыть до Америки и Тартарии» (в оригинале *Tartarey*) [Штаден, I, 478–479].

Карта итальянского картографа Д. Розаччо из его книги «Мир и его части» (1595) содержит две подписи *Tartari* на территориях к северу от Астрахани рядом с подписью *Nogai*. Все эти подписи в качестве своеобразных этнотопонимов обозначают места обитания соответствующих этносов. На морской карте голландского полярного исследователя В. Баренца (изд. в 1598 г.) топоним *Tartariae Pars* обозначает историческую область между Мангазеей (Молгомзеей) на севере и Обдорой на юге. На карте Московии Г. Герритса (1613), восходящей к чертежу царевича Ф. Годунова (1523), название области *Tartariae Pars* обозначает на севере территории в междуречье Тобола и Иртыша и земли в северной части Каспийского моря. В 1-м издании «Описания путешествия в Московию...» А. Олеария (Шлезвиг, 1647) в числе прочих фигурируют названия *Russland*, *Tartarie*, *Persien* и отмечается, что Обь протекает через Ногайскую Тартарию [Россия XVII века, 334].

В сочинении голландского путешественника и дипломата Н. Витсена, побывавшего в Московии в 1664–1665 гг., содержится карта «Noord en Oost Tartarye» («Северная и Восточная Тартария»), достоверно изобразившая обширные территории Московского государства 2-й половины XVII в. Топоним *Tartaria* обозначает у Н. Витсена преимущественно сибирские земли [Витсен, 8] и фигурирует также в названии еще одной составленной им карты — «Lant Kaarte van t'Oost

Tartarie. Autore N. Witsen» [Наврот, 108]. Другой голландский путешественник — Я. Я. Стрейс, посетивший Московию в 1668 г., также упоминает в путевых мемуарах, изданных в Амстердаме в 1676 г., *Tartariю* (*Tartarijen*) [Борисовская, 153]. На карте полушарий голландского картографа И. Данкерта (2-я пол. XVII в.) широко подписанный и подчеркнутый топоним *Magna Tartaria* обозначает обширные территории к востоку от Уральских гор, обрамляя подпись *Asia*, между 40-й и 60-й параллелями. На карте Московии французского картографа г. Сансона (1674), восходящей к чертежу московских княжеств 1526 г., изображены к западу от Меотийского болота *Petite Tartarie* <Малая Тартария> и более мелким шрифтом — *Nahaiski Tartares* <ногайские тартары>, к юго-западу от Меотийского болота — *Crimski Tartares de Crim* <крымские тартары>, а к северо-востоку от него — *Tartares de Mordwa* <мордовские тартары>. На карте юга России (конец XVII в.) встречаем топоним *Малая Тартария* в русском написании. Он обозначает территории к северу от Крымского полуострова в устьевом междуречье Днепра и рек, впадающих в Азовское море.

На южной части карты французского картографа г. Делиля (1706) крупная подпись *Tartarie Moscovite* <Тартария Московитская/Московская>, расположенная с северо-востока на юго-восток, обозначает земли мордвы, калмыков, ногаев и частично земли Астраханского царства. На «Глобусе географическом» русского картографа В. О. Кипрянова (1707), использовавшего несколько иностранных источников, крупная подпись *Tartaria* расположена южнее мелких подписей *Сибирь* и *Скифия*, между 60-й и 50-й параллелями. Мелкая подпись *Tartaria Малая* обозначает земли к северу от Крымского полуострова. На карте России немецкого картографа И. Б. Хоманна (ок. 1720) подпись *Tartaria Minor* <Тартария Малая> обозначает территорию к северу от Черного моря в устьевой части бассейнов Днепра и Дона. Подпись *Tartaria Magna* <Тартария Большая>, расположенная ниже подписи *Siberia*, охватывает земли от Тобольска до Восточного океана (совр. западное побережье Охотского моря). Примечательно, что подпись *Mare Tartaricum et Glaciall* <море Тартарское, а также Ледовитое> расположена на месте современных подписей *Восточно-Сибирское* и *Чукотское море*. В нижнем течении Амура — подпись *Tartaria Chinesis* <Тартария Китайская>. Карта Российской империи немецкого картографа Г. М. Зойтера (1739–1740) содержит подпись *Tartaria Minor* на территориях устьевой части Днепра между Черным и Азовским морями к северу от Крымского полуострова. А подпись *Tartaria Magna* обозначает территории к востоку от Каспийского моря до полуострова Камчатка, южнее подписи *Siberia*.

Таким образом, на географических картах XV–XVII вв. топоним *Тартария* традиционно употреблялся в качестве обозначения территорий, населенных малоизвестными в Западной Европе нерусскими этносами (ногаями, татарами, мордвой и др.), и поэтому сопровождался соответствующими этническими определениями, превращаясь в этнотопоним. Стремление к более точному обозначению

территорий, в том числе этнических, заставляло западноевропейских авторов использовать уточняющие видовые определения к топониму *Тартария* — *Московитская*, *Азиатская*, *Северная*, *Восточная*. В начале XVI в. на иностранных картах Московского государства появились топонимы *Большая Тартария* как архаичный дублет подписи *Сибирь*, а в конце XVII в. — *Малая Тартария* как обозначение земель севернее полуострова Крым. В оригинальных произведениях отечественной картографии название *Тартария* — видимо, по причине своего иноязычного происхождения — использовалось крайне редко, будучи при этом лишь данью западноевропейской картографической традиции. Например, на «Чертеже Сибири» (1667) тобольского стольника и воеводы П. И. Годунова *Тартарии* нет. В конце XVIII в. этнотопоним-историзм *Тартария* постепенно исчезает с карт Российской империи как утративший свою актуальность (картографически актуальными становятся топонимы *Россия* и *Сибирь*), хотя единичные случаи его употребления все-таки прослеживаются. Это, например, *Tartaria Вол(ь)ная* как обозначение земель к западу от Каспийского моря между 40-й и 50-й параллелями под подписью *Азия*, а также *Tartaria Китайская* на «Генеральном земноводного глобуса изображении» из русского учебного Атласа мира (1737). В этом же Атласе на карте Азии употреблен топоним *Tataria Китаиская*, хотя на общей карте Китайской Тартарии из «Нового атласа Китая» («Nouvel Atlas de la Chine...») французского картографа д'Анвиля, 1737) иная форма — *Tartaria Chinoise*. На «Генеральной карте <...> капитана Голикова» (1787) — *Tataria Кумайская* [Поспелов, Постников, 75–102].

Учитывая специфику функционирования топонима *Тартария* на западноевропейских картах XV–XVIII вв., необходимо предостеречь от неверной трактовки его картографического содержания в современных исследованиях. Так, вопреки мнению В. С. Кусова о том, что в XVI–XVII вв. *Тартарией* в Западной Европе называли Сибирь [Кусов, 28], следует утверждать, что картографическое содержание топонима *Тартария* на старинных картах было значительно шире и охватывало разные территории от Крымского полуострова до побережий современных Охотского и Берингова морей. Курьезным искажением, возникшим на базе народной этимологии, является современный перевод топонима *Tartaria* <Тартария> как *Tataria*, сопровождающий зарубежные и отечественные комментарии к старинным картам и тексты западноевропейских сочинений о Московии [см.: Кристенсен, 222; Борисовская, 33, 144, 152, 218; Россия XVII века, 334; Лаврентьев, 130].

Разработка этимологии топонима *Тартария* неизбежно предполагает осмысление античного наследия, отраженного во многих языках. Древнегреческий мифотопоним *Tartar* — ‘ад, преисподняя, великая бездна’ — образован от имени бога *Tartaros*, создавшего титанов, заключенных в подземном мире. В составе русского фразеологизма *провалиться в тартарары* (синоним-дублет *провалиться как сквозь землю*) существительное *тартарары* генетически является формой

вин. пад. мн. ч. от *Тартар*. Разумеется, было бы нелепо утверждать, что на средневековых западноевропейских картах Московии *Тартария* обозначала разные территории подземного царства. Тем не менее очевидно, что географические представления античности [Дитмар; Рожанский] были усвоены и определенным образом переработаны в трудах средневековых географов-космографов, которые использовали эти представления для объяснения современных им глобальных исторических событий. В 1-й половине XIII в. Восточную Европу потрясли опустошительные набеги монголо-татар, вторгавшихся даже в пределы священной Римской империи (1241–1242). Воинственные походы загадочных монголо-татарских племен, не имевших точного этнонимического обозначения (в русских летописях — «языци незнаеми»), воспринимались европейцами как наступление конца света. Для объяснения происхождения этих племен некоторые мыслители средневековья привлекали эсхатологические легенды о *гоге* и *магоге* и о десяти коленах Израилевых. Согласно преданию, отраженному в христианской и исламской литературе, этносы *гог* и *магог* были заперты Александром Македонским за Кавказскими или Каспийскими горами, где и дожидались конца света. Этот сюжет отражен на одном из фрагментов Эбсторфской карты мира (ок. 1235) — здесь изображены заточенные *Гог* и *Магог*, которые едят человеческую плоть и пьют кровь [Багров, 160, карта XXII].

Эти предания своеобразно интерпретировал английский монах Матфей Парижский (ок. 1200–1259), отождествивший *гога* и *магога* с десятью коленами Израилевыми, а одно из них — с монголо-татарами. В своем сочинении «*Chronica maiora*» («Великая хроника»), созданном в 1254–1259 гг. и снабженном «доказательными» картами-иллюстрациями, он в сообщении под 1240 г. повествует о тартаринах (т. е. монголо-татарах), которые «прорубились» из-за гор. «Там же он предлагает этимологию этнонима *тартары* от реки Тартар, сближая эту реку с рекой Дамаска Фарфар <...> На картах Ближнего Востока Дамаск обтекают две реки, одна из которых действительно Фарфар, а вторая — Албана» [Чекин, 180–181, 183, 205, 224]. Предложенная Матфеем Парижским этимология этнонима *тартары* нуждается в серьезном этнолингвистическом обосновании с учетом достижений современных наук.

В трудах В. Н. Татищева интересующий нас топоним устойчиво употребляется в трансформированном виде — *Татария* и сопровождается соответствующими определениями: *Великая, Малая, восточная, восточно-северная* [Татищев, 91, 133, 160, 181, 233, 243 и др.]. Известный историк отмечал прочную традиционность употребления топонима *Татария* (*Тартария*) в европейских историко-географических сочинениях, обращая при этом внимание на неустановленную этимологию топонима, что обусловило господство мнения о его мифологическом происхождении: «Европейские писатели все как историки, так географы, вместо турок всю восточно-западную Азию Великая Татария именуют, но с чего сие имя взято, неизвестно, и у древних нигде не упоминаемо <...>» [Там же, 233].

Этимологическое «авторство» топонима и введение его в литературный оборот В. Н. Татищев предположительно приписывал венецианскому путешественнику XIII в. Марко Поло: «Имя сие, мню, первый Павел Венет вымыслил произвести от реки Татар; иные некакой предел вымыслили, котораго нет, и как в греческом тартар значит место мучительное, или ад, то образно сему народу стало быть прилично» [Там же, 233]. Комментируя содержание 7-й книги из «Географии» Страбона, В. Н. Татищев объясняет причину возникновения топонима *Малая Татария* и локализует территории, обозначаемые этим топонимом: «Малая Скифия причиною есть имяни Малая Татария, в котором заключают Крым, Кубань и Белгородскую, или Будяцкую орду, хотя оные особых владетелей, или правителей, имеют...» [Там же, 160]. К настоящему времени этноним *татары* (*тартары*) получил развернутую этимологическую интерпретацию в работах, посвященных этногенезу татар, особенно глубокую и убедительную в исследовании М. З. Закиева [см.: Закиев; Еремеев; Саттаров; Баскаков; Агеева; и др.]. Однако в рамках данной статьи мы не ставим цель рассмотреть надежность указанных этимологических версий.

По-видимому, к эпохе XIV–XV вв. в языковом сознании западноевропейских мыслителей средневековья окончательно наметилась контаминация формы этнонима *тартары* (*тартарины*) > *татары*. В картографических произведениях эта контаминация в форме *Тартария* > *Татария* отразилась позднее, с середины XVIII в. Например, на одной из русских карт этого времени топоним *Малая Татария* обозначает территории в устьевой части бассейнов Днепра и Дона, которые прежде именовались *Малой Тартарией*. Другой пример такого рода: пролив, отделяющий остров Сахалин от материка, был открыт французским мореплавателем Ж. Ф. Лаперузом во время кругосветного путешествия в конце 80-х гг. XVIII в. и был назван им *Тартарским проливом* по аналогии с *la Manch — la Manch de Tartari*. Присваивая проливу такое название, Ж. Ф. Лаперуз учитывал средневековую картографическую традицию, согласно которой *Тартарией* в данном случае обозначались земли кочевых и охотничьих племен и народностей Сибири и Дальнего Востока. Когда в середине XIX в. географический статус Сахалина как острова был доказан адмиралом Г. И. Невельским, топоним *Тартарский пролив* трансформировался в как будто более понятное обозначение — *Татарский*, поскольку топоним *Тартария* к тому времени уже исчез с карт Российской империи, хотя, естественно, территории, обозначавшиеся сибирской и дальневосточной *Тартариями*, исконно никогда не были зоной бытования монголо-татарских племен.

Примечательно, что реликты древней трансформации этнонима *тартары* и топонима *Тартария* сохранились в ономастических системах некоторых языков. Например, в современном английском языке этнонимы *Tartar* и *Tatar* одинаково употребительны в значении ‘татарин’ наряду с другими значениями: ‘человек неприятного поведения; мегера, фурия’. В современном французском

аналогично: *tartare* и *tatare* — ‘татарин’. В немецком языке *Ta(r)tar* — ‘татарин’ наряду с *Tatar*, *Tatarin* — ‘татарка’; *Ta(r)tarei* — ‘Татария’. По свидетельству Э. М. Мурзаева, «в Ираке, северо-западнее Багдада, расположена пустынная глубокая котловина Тартар, куда эпизодически сбрасываются паводковые воды реки Тигр по руслу, также носящему имя Тартар. Здесь же есть населенное место Тартар. Эти имена — отзвук античной мифологии» [Мурзаев, 190].

Рассмотренный материал убеждает в том, что этнопоним *Тартария*, ярко представленный в произведениях средневековой европейской картографии, не следует рассматривать как обозначение никогда не существовавших, вымышленных территорий. Картографически данный этнопоним, отражая средневековые историко-географические представления, обозначал реальные и конкретные для своего времени географические объекты, которые впоследствии уже на основании иных принципов могли быть номинированы по-другому. Как справедливо заметила Н. А. Борисовская, «карта — рациональный анализ достоверного факта, окрашенного вместе с тем поэтическим (в нашем случае — мифопоэтическим — А. Б.) пафосом» [Борисовская, 6, 112–114], что, естественно, не исключает существования не менее интересной картографии и топонимии вымышленных странствий [Багров, 254].

Достаточно очевидно, что наряду с современными топонимическими картами [Матвеев, 167, 187, 200, 204] старинные картографические источники должны занять достойное место в топонимических исследованиях, поскольку «наличие графического изображения позволяет с большей уверенностью опознавать названия даже в тех случаях, когда формы, зафиксированные различными картами, весьма далеки друг от друга» [Поспелов, 1971, 93]. Несмотря на то, что в научной литературе в течение последних 45 лет неоднократно доказывалась необходимость систематического изучения старинных карт [Поспелов, 1964, 1970, 1971; Гольденберг, 1975; ИСК; Постников, 1985, 1996; и др.], они, к сожалению, исследуются пока фрагментарно. Весьма показательным, что в предложенной новейшим академическим географическим словарем типологической классификации произведений картографии, включающей более 40 типов, нет ни старинных, ни топонимических карт [Котляков, Комарова, 665]. Значит, сохраняет свою справедливость и актуальность тридцатилетней давности высказывание Л. А. Гольденберга о том, что российские академические институты «давно изгнали историю картографии из сферы своих интересов» [Гольденберг, 1980, 11]?!

Агеева Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.

Альшиц Д. Н. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб., 2009.

Багров Л. [С.]. История картографии. М., 2004.

- Барандеев А. В.* Русские космографии XVI–XVII вв. в аспекте топонимического источниковедения // Топонимия России. М., 1993.
- Баскаков Н. А.* Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М., 1980.
- Борисовская Н. А.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII вв. М., 1992.
- Бычков А. А.* Московия. Легенды и мифы. Новый взгляд на историю государства. М., 2010.
- Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664–1665. СПб., 1996.
- Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. М., 2008.
- Гольденберг Л. А.* К вопросу о картографическом источниковедении // Историческая география России. XII — начало XX в. : сб. статей к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М., 1975.
- Гольденберг Л. А.* Использование старых карт // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980.
- Дитмар А. Б.* География в античное время. М., 1980.
- Добродомов И. Г.* Москва // РЯШ. 1997. № 4.
- Закиев М. З.* История татарского народа. (Этнические корни, формирование и развитие). М., 2008.
- Еремеев Д. Е.* К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970.
- ИСК — Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980.
- Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Котляков В. М., Комарова А. И.* География: Понятия и термины : пятиязычный академический словарь. М., 2007.
- Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004.
- Кристенсен С. О.* История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989.
- Кусов В. С.* Картографическое искусство Русского государства. М., 1989.
- Лаврентьев А. В.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005.
- Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия и исследования. М., 1971.
- Левинсон Н. Р.* Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. // Ист. зап. Т. 17. М., 1945.
- Матвеев А. К.* Ономатология. М., 2006.
- Мурзаев Э. М.* Топонимика и география. М., 1995.
- Наврот М. И.* Топонимы северо-востока Сибири на карте Н. Витсена 1687 г. как свидетельство использования неизвестного русского чертежа Сибири 1673 г. // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.
- Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.
- Поспелов Е. М.* Применение картографического метода исследования в топонимике // Принципы топонимики. М., 1964.
- Поспелов Е. М.* Относительная достоверность названий на старинных картах // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.
- Поспелов Е. М.* Топонимика и картография. М., 1971.
- Поспелов Е. М., Постников А. В.* История русских морских названий на примере картографирования Корейского (Японского) моря (XVII–XIX вв.) // Вопр. географии. Сб. 132. Современная топонимика. М., 2009.
- Постников А. В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985.
- Рожанский И. Д.* История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988.
- Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.
- Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.
- Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974.
- Саттаров Г. Ф.* Этнонимы в топонимии и антропонимии Татарии // Исследования по татарскому языку. Казань, 1977.

Страбон. География : в 17 кн. М., 1994.

Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1 // В. Н. Татищев. Собр. соч. в 8 т. М., 1994. Т. 1.

Чекин Л. С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарии. М., 1999.

Штаден Г. Записки о Московии : в 2 т. М., 2008–2009.

Iljinskij G. [A.]. Noch einmal der Name von Moskau // Zeitschrift für slawische Philologie. 1927. № 4.

Postnikov A. V. Russia in Maps: A History of the Geographical Study and Cartography of the Country. М., 1996.

Рукопись поступила в редакцию 10.06.2010 г.